

ТИП «ЧЕЛОВЕКА ЗАБЛУЖДАЮЩЕГОСЯ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ТВОРЧЕСТВО А. Н. РАДИЩЕВА

Э. А. Радь

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Поступила в редакцию 19 сентября 2016 г.

Аннотация. *в статье рассматривается тип «человека заблуждающегося» как характерный для всего литературного процесса, имеющий общечеловеческое значение, но впервые репрезентированный в творчестве А. Н. Радищева. Этот литературный тип, равно как и «маленький человек», «лишний человек», содержит в себе обобщение и инвариантный смысл.*

Ключевые слова: *литературный тип, константа, универсалия, инвариант, библейский текст, блудный сын, творчество А. Н. Радищева, заблуждения, типология.*

Abstract: *the article is aimed at studying the type of “an erring man” as a characteristic feature of the whole literary process with a universal value but firstly presented in the work of A. N. Radishchev. This literary type together with a “small man”, “needless man” contains a generalization and an invariant meaning.*

Keywords: *literary type, constant, universal, invariant, the Bible text, prodigal son, literary work of A. N. Radishchev, misconception, typology.*

Художественное творчество, сопрягая прошлое и настоящее, вглядываясь в будущее, созидает литературные константы как хорошо узнаваемые в каждом времени явления. Такой хорошо узнаваемой константой в литературе можно уверенно обозначить тип «человека заблуждающегося», составляющий одну из сквозных линий литературного процесса и отражающий глубинные особенности мировосприятия и сознания человека. «Человек заблуждающийся» как литературный тип обладает инвариантным смыслом, содержит в себе обобщение, носит устойчивый, повторяющийся характер, представляет собой литературное явление, имеющее общечеловеческое значение универсалии.

Принадлежит к устойчивым номинациям, словосочетание «человек заблуждающийся» приобрело знаковый для русской ментальности характер. Образ отражает внутреннюю противоречивость и внутреннюю закономерность.

В типическом образе «человека заблуждающегося» можно увидеть библейские истории об Адаме и Еве, о блудном сыне, о Фоме и др. В каждом варианте образ, переходящий в символ, заключает в себе смысловую глубину и смысловую перспективу. В связи с универсальной для мировой литературы константой «человек заблуждающийся» уместно вспомнить слова К. Г. Юнга: «Человек всегда несет с собою всю свою историю и историю человечества» [2, 376]. Память культуры сохраняет потенциал многозначных смыслов образа-символа и интертекстуальные и метатекстовые положения. «Человек заблуждающийся», источник заблуждений которого – страсти рацио-

нальные (любовь, счастье, потребность в правде и др.) и иррациональные (тщеславие, жажда власти, подчинения и др.), возвышенные и низменные, обретает новый взгляд на мир и самого себя через нравственное прозрение, через испытание, через эксперимент. Заблуждения приводят к формированию новой философии жизни. «Человек заблуждающийся» как человек в его неосуществленных возможностях – герой многих произведений русской литературы (И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, Л. Н. Андреева и др.), философских исканий на рубеже веков (Н. Бердяев с его опытом самопознания и др.). Что свидетельствует о типологической повторяемости данной универсалии, утверждающей закономерность развития и особенности человеческой природы. «Человек заблуждающийся», репрезентированный вариативно в разных художественных текстах, составляет типологический ряд образов, тождественных по своей структуре. Сущностное и закономерное, характеризующее все образы-варианты, входящие в типологический ряд, выражено в инвариантной модели.

Инвариант универсалии, с нашей точки зрения, заключен в евангельской притче о блудном сыне (смысловая природа которой по своему назначению более соответствует символу), в образе проявляющего свою индивидуальность сына, осознающего свое заблуждение и приближающегося к постижению истины. Через символ «Блудный сын» передается идея блуда, блуждания, заблуждения и возвращения [1, 37]. В инварианте заблуждение выступает как следствие проявления своеволия и ограниченного знания возможностей. Сохраняя свою инвариантную сущность и коррелируя с культурным кон-

текстом, трансформируясь под его влиянием и его же трансформируя, символ в вариантах демонстрирует смысловые потенции, не исчерпывая смысловые валентности. В литературном творчестве заблуждения предстают как человеческие ошибки, иллюзии, утопии.

В творчестве писателя инвариантный смысл получает индивидуально-творческую реализацию. Автор транслирует концепцию, а читатель (критик, исследователь) ее реконструирует. Типологическая повторяемость универсалии дала о себе знать и в творчестве А. Н. Радищева, который *первым теоретически осмыслил и оформил* свои философские размышления о заблуждениях человеческих в трактате «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанном вскоре после «Путешествия из Петербурга в Москву».

Две взаимосвязанные друг с другом проблемы занимали Радищева всю его сознательную жизнь: проблема совершенствования души, природы человека и проблема идеального человека-гражданина [3]. Эти проблемы напрямую сопряжены с представлениями «о зыбкой диалектике различных составляющих в человеческой природе» [4, 42], о внутренних противоположных началах. Согласно концепции Радищева, человек суть сам источник бедствий в силу его духовного несовершенства. В «Путешествии из Петербурга в Москву» писатель пишет: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры во внутренность мою – и узрел, что *бедствия человека происходят от человека*» [5, 27]. В трактате «О человеке» эта мысль о внутренней порочности и взаимообусловленности отношений «человек – общество» продолжает дальнейшее развитие: «Науки, искусства, общественная связь, законы суть доказательства избыточные, что человек превыше всего на земле поставлен. Но рассматривая и удивляясь величественности его разума и рассудка, увидим, что сие существо, творцу вселенныя сопричащающееся, проникающее незыблемыми стопами естественность, нередко уродствует, *заблуждает*; да и столь *заблуждение ему сродно*, что прежде, нежели истины достигнуть может, *бродит во тьме и заблуждениях*, рождая нелепости, небылицу, чудовищей. И в том самом, о гордое существо, чем наипаче возноситься можешь, тем паче являешься смешон. Все, однакоже, заблуждения человека и нелепости суть доказательства мыслящего его существа и что *мысль* есть наисвойственнейшее качество его» [6, 359].

Возводя способность человека мыслить в достоинство, Радищев приравнивает мысленность душе, существенность души видит в непрестанном совершенствовании – гаранте бессмертия человека. «<...> Мысленность человеку сосущественна, что она его составляет особенность, что человек и может по ней назваться человек, а без неё равнялся бы скотам.

<...> совершенствование её есть свойство неотделимое; а потому и мета наша на земли относится к устройению нашему, из чего следствие бывает блаженство. Вследствие сих предпосылок человек во время жития своего даёт всем силам своим всю возможную расширенность. Способность мыслить, с кою рождается, бывает разум, чувства наши изопряются, научаются, искусствуют; склонности наши производят деятельность необъятную и, яко понятия, чувственности приняты, претворяются в мысли, тако и склонности, в душе преобразовавшись и получив всю свою расширенность, становятся добродетели или пороки» [6, 435–436].

Радищев рассматривает заблуждение как естественное природе человека состояние, свойственное всему роду человеческому, основанное на «чувственности нашей», стоящее «воскрай истине», стремящееся к познанию истины. Неясность рассуждений допускает противоположности, невозможные только для Бога («...Человек не заблуждал бы никогда, был бы бог» [6, 363]). В поисках познания истины и самоопределения пребывает душа, странствующая в мире земных страстей и испытаний, душа, пребывающая во тьме пороков и заблуждений и устремленная к свету. И как справедливо отмечает О. М. Гончарова, такое движение – это духовное самопознание русского человека, что в контексте рассмотрения национальных духовных традиций и концепции человека в творчестве А. Н. Радищева может быть обозначено символикой пути [7, 180]. *Путь* героя Радищева как своеобразное «вочеловечение», как обретение человеком своей истинной духовной природы, как своеобразная инициация героя, который в начале пути говорит об утрате себя, а в итоге обретает свое человеческое Я. Через самосовершенствование как сложнейшую внутреннюю работу над собой, духовное самопознание – исправления заблуждений – может произойти изменение внутреннего состояния человека, возвращение «образа и подобия Божия», обретение утраченных духовных ценностей, обретение истины. *Путь внутреннего самопознания* русской личности получил свое художественное воплощение в «Путешествии из Петербурга в Москву». Масштаб заблуждений, представленный Радищевым в «Путешествии», соотносен с интеллектуальным опытом человечества, не воспринятым современной Радищеву Россией, не участвующим в упорядоченности мира и человека, и охватывает мироустройство, пребывающее в варварстве, предрассудках и суевериях. «Радищеву именно «новая Россия» с ее государственными установлениями, законодательством, нравами видится варварской, «заблудшей» [7, 160]. Варварство – в депотии, тирании и крепостном праве как этически безнравственной форме общественных и человеческих отношений. Отношений? взаимообусловленных внутренним движением от нравственных пороков –

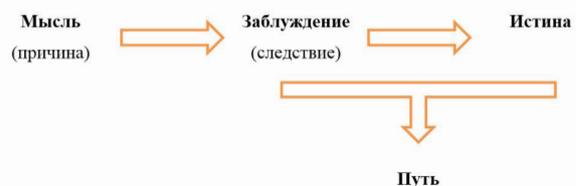
к социальным злоупотреблениям и нарушениям и, шире, к политическим заблуждениям как элементу общественного сознания. А нарушения, допускаемые властью, в свою очередь, неуклонно ведут к искажению нравственной природы человека. Как отмечает В. А. Зарецкий [8, 24], размышления путешественника в книге Радищева захватывают самые разные стороны жизни отдельного человека, нации, человечества. Автор описывает состояния, в которых пребывает человек, введенный в отношения крепостничества. Вставное сочинение «Проект в будущем» сосредоточено на проблеме освобождения от рабства, однако и выходит при этом за ее пределы. Сочинитель проекта, безымянный «гражданин будущих времен», обращается не к царю, а к согражданам – к тем, кто достоин имени сына Отечества в радищевском понимании этих слов. «Если ужас гибели и опасность потрясения стяжаний подвигнуть может слабого из вас, неужели не будем мы толико мужественны в побеждении наших предрассуждений, в попрании нашего корыстолюбия и не освободим братию нашу из оков рабства и не восстановим природное всех равенство?» [6, 139]. Путешественнику, его доброму другу, как и самому Радищеву рисуется перспектива близкого будущего страны: либо крепостничество будет сокрушено разумным действием обширного круга просвещенных сограждан, умеющих повлиять и на самого царя, либо неизбежны разнузданные мятежи.

Забываясь о будущем своего отечества, в обращении к истинным сынам отечества писатель-философ призывает: «воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше. <...> опомнитесь, заблудшие, смягчитесь, жестокосердные» [6, 133]. В этом призыве, ассоциативно отсылающем к евангельской притче о блудном сыне, – желание разорвать замкнутый порочный круг и восстановить мировую гармонию через возвращение в «отечество» не в значении «государство», а в значении гармонического мироустройства, пребывающего в единении с Богом-отцом. Ибо скрытый смысл любого земного события, объясняемый в библейской притче, – восстановление прерванной связи между человеком и Богом, внутреннее преображение, возвращение божественного достоинства, т. е. встреча с Богом в самом себе и его мудростью. Распознавание духовных смыслов человеческой жизни – задача, решаемая не только через библейские философские истории, но и авторские философские трактаты и художественные тексты разных эпох: во все времена человечество постоянно соизмеряет свое настоящее с евангельским прошлым, каждый раз по-новому осмысляя то и другое. Таков вечный путь от «человека заблуждающегося» к обретению внутреннего совершенства и мировой гармонии – путь утопически бесконечный, предопределенность которого в несовершенной природе человека.

В главе «Бронницы» Путешественник в ситуации блуждающего в географическом пространстве и блуждающего в собственных мыслях о будущем своем и своего отечества, вообразив себя «преселенного в древность», в желании познать грядущее в «храме заблуждения» на месте малой церкви слышит глас божий: «Чего ищешь, чадо безрассудное? Премудрость моя все нужное насадила в разуме твоём и сердце. Вопросы их во дни печали и обрящешь утешителей. Вопросы во дни радости и найдешь обуздателей наглого счастья. Возвратись в дом свой, возвратись к семье своей; успокой встревоженные мысли; вниди во внутренность свою¹, там обрящешь мое божество, там услышишь мое вещание» [6, 96]. «Заблуждения смертных», завязанные на «страстях», в размышлениях Путешественника – в дистанцированности от духовного начала, в двойственной природе человека: в отрицании Бога и его почитании. Мотив возвращения, сопряженный с мотивом блуждания / заблуждения, подводит к основному положению радищевской «теории заблуждений»: должное для человека – пройти путь от заблуждений к обретению цельности, восстановлению божественного начала через познание себя, к пониманию положения человека в мире – путь к самому себе («Я человеку нашел утешителя в нем самом»), к познанию истины, а следовательно и к новому пониманию добра и зла. Завершается глава мыслью о бренности и вечности: «И все, что зрим, пройдет; все рушится, все будет прах. Но некий тайный глас вещает мне, пребудет нечто вовеки живо» [6, 97].

Так в творчестве А. Н. Радищева получила новое смысловое наполнение и развитие фраза древнерусского автора «Повести о Горе-Злочастии» о «несмысленности» человеческого сердца. «Несмысленное» сердце – заблуждающееся сердце². Мысленность / несмысленность / неразумность – первична, заблуждение – вторично. В бесконечности причинно-следственных отношений и связей, скрывающих под собой глубинную, сущностную связь явлений, – жизнь человека и мира. Внутреннюю форму человеческой природы (в соответствии с радищевской концепцией) можно представить в модели:

Модель «Внутренняя форма человеческой природы»

¹ О «внутреннем человеке» см. подробно: [7, 161–217].

² «Человеческое сердце несмысленно и неумичиво». См.: [9, 349].

ЛИТЕРАТУРА

1. Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох. Монография / Э. А. Радь. – М.: ФЛИНТА; Наука, 2014.
2. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. – М., 1998.
3. Радь Э. А. Художественное воплощение проблемы «семья-общество» в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева / Э. А. Радь. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 10. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2003.
4. Пашкуров А.Н. История русской литературы XVIII века / А. Н. Пашкуров, А. И. Разживин. – Елабуга: ЕГПУ, 2011. – Ч. 2.
5. Радищев А. Н. Сочинения / А. Н. Радищев. – М., 1988.
6. Радищев А. Н. Избранные сочинения / Подг. текста и вступ. ст. Г.П. Макогоненко / А. Н. Радищев. – М.: Худож. лит., 1952.
7. Гончарова О. М. Власть традиции и «новая Россия» в литературном сознании второй половины XVIII века: Монография / О. М. Гончарова. – СПб.: РХГИ, 2004.
8. Зарецкий В. А. Три литературных путешествия по России. Аввакум – Радищев – Гоголь: Учеб. пособие / В. А. Зарецкий. – Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. ин-т, 2002.
9. Изборник: Повести Древней Руси / Сост. и примеч. Л. Дмитриева и Н. Понырко; вступ. ст. Д. С. Лихачева. – М., 1986.

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал)

Радь Э. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы

E-mail: elza_rad@mail.ru

Bashkir State University (Sterlitamak Branch)

Rad E. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian and Foreign Literature Department

E-mail: elza_rad@mail.ru